

Они отправились в ресторан, где Хань Чжоу бывал раньше с друзьями, но после того как там сменился шеф-повар, застолбить место стало практически невозможно.

Интерьер ресторана был великолепен, яркий и изысканный стиль рококо поднимал настроение. Несмотря на высокие цены, все столики вокруг были заняты.

Еда здесь была превосходной, от аперитива до десерта, и Линьлинь наслаждалась каждым блюдом. С её зарплатой она редко могла себе позволить такие места, поэтому возможность пообедать с Хань Чжоу была для неё настоящей удачей.

Когда подали икру, Линьлинь уже собиралась сфотографировать маленькую золотую коробочку, как вдруг почувствовала, как кто-то ткнул её в ногу.

— А? — быстро сделав снимок, она повернулась. — Что случилось?

— Давай уже ешь, хватит фотографировать, — Лу Е бросил взгляд в сторону и тихо сказал.

С самого момента входа в ресторан он чувствовал себя не в своей тарелке.

Вокруг все смеялись и разговаривали, люди в элегантных нарядах, как его ровесники, так и моложе, но ни один из них не был одет в старую, выцветшую футболку, как он. Каждый раз, когда их взгляды пересекались, он чувствовал, как на его лице появляется румянец.

Он чувствовал себя чужим, и Линьлинь тоже. Он не знал, как вести себя за столом, не понимал, что можно есть, а что нет, и чувствовал себя как Линь Дайюй, впервые попавшая в дом Цзя, где каждый шаг нужно было делать с осторожностью.

Поэтому, видя, как Линьлинь продолжает фотографировать еду, он чувствовал себя неловко.

Линьлинь надула губы и, не глядя на Лу Е, спросила Хань Чжоу:

— Что ты ходил брать в студию перед обедом?

Хань Чжоу, возившийся с телефоном, поднял на неё взгляд, но тут же снова опустил глаза, продолжая печатать:

— Ничего.

Весь обед он провёл за телефоном, будто торопился уйти, и его настроение было напряжённым, он то и дело поглядывал на часы.

Его отстранённость не могла не повлиять на Цзинь Шуаня. Обед прошёл в четырёх разных настроениях.

В этом ресторане порции были маленькими, но благодаря щедрости хозяина все наелись. Линьлинь даже почувствовала себя сытой. Она протянула руку, чтобы сделать групповое фото, но, как только навела объектив, Хань Чжоу встал и молча вышел.

Он быстро вышел из ресторана, не оглядываясь. Оставшиеся трое переглянулись, и Цзинь Шуань, встревоженный, тут же позвонил ему.

Звонок длился шестьдесят секунд, но никто не ответил, и автоматическое сообщение лишь усилило его тревогу.

Телефон завибрировал, и Цзинь Шуань тут же посмотрел на экран. Это был Хань Чжоу.

[Хань Чжоу]: Прости, я не знаю, как мы будем общаться в будущем.

Цзинь Шуань почувствовал, как ему перехватило дыхание, но следующее сообщение Хань Чжоу было ещё более тревожным.

[Хань Чжоу]: Возможно, я скоро разберусь с этим, но, возможно, это займёт много времени.

Рука Цзинь Шуаня задрожала, его пальцы стали холодными и бледными. Он хотел написать, чтобы Хань Чжоу остановился, но тот печатал слишком быстро.

[Хань Чжоу]: Я не могу представить, как буду выглядеть старым, а ты останешься таким же, как сейчас. Это пугает любого. К пятидесяти годам я, вероятно, начну комплексовать, а ты, возможно, устанешь от меня.

[Хань Чжоу]: Знаешь, каждый раз, когда я думаю, что после моей смерти ты будешь жить до конца времён, мне становится трудно дышать.

[Хань Чжоу]: Господин Цзинь, как же ты меня ранишь.

Глаза Цзинь Шуаня покраснели, а сердце сжалось от боли.

В этот момент у входа раздался возглас, и Линьлинь вскочила со словами:

— Ого!

Цзинь Шуань вздрогнул, и слёзы, накопившиеся в его глазах, покатались по щекам. Он увидел, как Хань Чжоу с огромным букетом роз медленно вошёл в ресторан.

Цзинь Шуань замер, инстинктивно встал, опрокинув посуду на столе.

Снаружи уже стемнело, но Хань Чжоу казался освещённым. Его шаги были размеренными, каждый из них отзывался в сердце Цзинь Шуаня.

— Подожди меня, я постараюсь разобраться быстрее, — Хань Чжоу положил цветы ему в руки.

Даже если он ещё не разобрался, он хотел дать Цзинь Шуаню уверенность, не оставлять его в тревоге, потому что любовь должна быть поддержкой в трудную минуту.

Цзинь Шуань смотрел на него, держа цветы, как марионетка.

Хань Чжоу стёр слёзы с его лица, достал из кармана маленькую нефритовую шкатулку, открыл её и показал невзрачный камень:

— Мы оба не любим формальностей, но думаю, любви нужно немного ритуала.

— Я давно хотел что-то обменять с тобой, как символ, — он говорил медленно, стараясь не дрожать. — Я не могу предложить тебе материальных вещей, но решил, что могу подарить тебе луну. Не знаю...

Он сделал паузу, глаза его покраснели.

— Не знаю, согласишься ли ты обменять себя на это?

Хань Чжоу не сказал, что этот камень был лунным метеоритом, но для Цзинь Шуаня это не имело значения. Если Хань Чжоу сказал, что это луна, значит, так оно и есть.

Цзинь Шуань взял «луну» и крепко обнял его, ответив хриплым голосом:

— Согласен, согласен.

Конечно, я согласен. Как я могу отказаться?

Хань Чжоу закрыл глаза, поцеловал его в ухо и тихо сказал:

— Когда я начну стареть, будь снисходителен ко мне, старей со мной, не давай мне чувствовать себя неполноценным и не разочаровывайся во мне.

— И ещё, ты говорил, что можешь вернуться в любое время после своего рождения. Не знаю, как это работает, но после моей смерти вернись в год моего рождения. Это, возможно, эгоистично, но я не хочу, чтобы ты нашёл другого. Я хочу, чтобы ты был со мной всю мою жизнь, снова и снова.

— Хорошо?

Цзинь Шуань не ответил, лишь крепко прижал его к себе, целуя в щеку.

«Я не смогу быть с тобой в детстве, потому что я хочу провести с тобой всю оставшуюся жизнь».

Под впечатлением от признания Хань Чжоу Линьлинь была в восторге всю ночь и на следующий день с лёгкостью написала шесть тысяч слов сладкой главы.

Ресторан, похожий на дом французского аристократа XVIII века, Хань Чжоу с огромным букетом роз и мягкий свет создавали атмосферу сказки.

И этот камень, названный «луной», был самым романтичным подарком! Весь ресторан замер, все стали свидетелями этой любви.

После признания раздались аплодисменты и свист, а одна девушка даже записала всё на видео и выложила в соцсети, хотя позже видео было удалено.

Линьлинь тоже сделала несколько снимков, но, остыв, решила не публиковать фото с объятиями, а лишь выложила снимки еды с подписью: [Стала свидетелем любви друзей. Как же я хочу, чтобы мой любимый был таким же романтичным].

Она опубликовала новую главу и, взяв телефон, вышла в гостиную размяться. На её вчерашний пост уже было двадцать лайков и десяток комментариев.

Один из друзей написал: [Икра белуги [шок], Линь, возьми меня на содержание!]

<http://bllate.org/book/15564/1415570>